

zufügungen des Hrsg.s, die immer im Rahmen des Wörterbuchs bleiben, das ja auch ein historisches Dokument ist, stehen in geschweiften Klammern.» (S. V, Anmerkung 6). Das nominale Stichwort ist gewöhnlich in der Stammform (Nominativ) gegeben, jedoch nicht immer, z. B.: *karten* (S. 39), *plotniktek* (S. 143), wo die Substantive *kari(a)* (Karte) und *plotnik* (Zimmermann) zusammen mit den Postpositionen *dene* und *deke* ausgesprochen worden sind; in der Form *podwa-lze* (S. 143) hat sich das Px3Sg dem *podwal* (Keller) angeschlossen. Die Verben werden in 1PSg (oder auch in irgendeiner anderen Personalform) angegeben. Gelegentlich kommen auch infinite Formen als Stichwörter vor: *mazilla-f* (S. 97, Infinitiv, 'beschmieren'). Es soll noch hervorgehoben werden, daß im Wörterbuch viele Wortartikel sehr reichliches Belegmaterial haben (z. B. schließen sich dem Stichwort *nal^{a.m}* fast 70 grammatische Formen bzw. Beispielsätze an (S. 108, 109).

Lewy hat das Wörterbuch ziemlich sorgfältig mit Anmerkungen versehen, die angeben, woher Stichwörter, verschiedene phonetische und grammatische Formen sowie die Beispielsätze stammen. Meistens folgt dem Lemma eine Nummer in Klammern, die die entsprechende Seite im Wörterbuch von M. Szilasi (Cseremisiz szótár, Budapest 1901) anzeigt. Andere Belege haben Nummern, die die Stelle in Lewys Textsammlung angeben, wo das betreffende Wort zu finden ist. Es kommen jedoch auch Wortartikel ohne diesen Hinweis vor,

z. B.: *kalle* (S. 40), *ky-že* (S. 81), *pöste^m* (S. 147), *tökara:k* (S. 227).

Man muß hinzufügen, daß am Ende fast aller Wortartikel die dem Wörterbuch von G. M. Ramstedt (Bergtscheremissische Sprachstudien, Helsinki 1902 (MSFOu XVII)) entnommene bergmarische Form des Stichwortes dargeboten wird. Selbstverständlich erhöht sich dadurch der informative Wert des Werkes erheblich. Darüber hinaus beinhalten viele Wortartikel andere ergänzende Daten. So hat man bei den Entlehnungen aus Turksprachen öfters auf die einschlägigen Werke von M. Räsänen und H. Paasonen hingewiesen, aus denen die Etymologie des fraglichen Wortes hervorgeht.

Was die Übersetzungen betrifft, haben die Lemmata prinzipiell eine deutsche Übersetzung. In vielen Fällen werden auch russische Entsprechungen angeführt. Außerdem gibt es Wortartikel, die bloß eine Übersetzung ins Russische haben. Dabei handelt es sich meistens um Wörter mit russischer Herkunft, und damit dient die Übersetzung zugleich als etymologischer Fingerzeig: *karas karásy* (S. 38), *kawa-k kabák* (S. 40), *kua-s kwas* (S. 63), *pagor bagór* (S. 133), *uznaje-n uznať* (S. 260).

Mit der Herausgabe dieses Wörterbuches hat H. Katz eine nichtalltägliche und aufwendige Arbeit geleistet. Es ist sein Verdienst das von E. Lewy beabsichtigte Vorhaben, eine Forschungsreihe des Marischen zu publizieren, vollendet und der Öffentlichkeit zugänglich gemacht zu haben. Die internationale Finnougristik sollte ihm dafür Dank zollen.

PAUL KOKLA (Tallinn)

<https://doi.org/10.3176/lu.1983.2.14>

Историко-культурные связи пермских народов (По данным фольклора и языка), Ижевск 1981. 164 с.

В результате научного сотрудничества преподавателей-филологов двух университетов — Сыктывкарского и Удмуртского — создан сборник, содержащий 16 статей по вопросам лингвистики, фольклора и литературы коми и удмуртского народов. Основной замысел сборника — выявление контактов и некоторых актуальных проблем близкородственных языков, взаимовлияния соседних языков; в то же

время он задуман как учебное пособие для студентов.

Очевидно, статьи обзорного характера удмуртских ученых и предназначены в первую очередь студентам, однако полезную информацию могут почерпнуть в них все, кто недостаточно хорошо ориентируется в пермской лингвистической литературе. В. К. Кельмаков пишет об исследовании удмуртского языка за рубежом

и приводит довольно обширную библиографию — 129 названий. Факты свидетельствуют о том, что наиболее усердно занимаются удмуртским языком в Венгрии и Финляндии: список содержит 92 работы венгерских ученых, 31 — финских. В Финляндии и Венгрии время от времени удмуртский язык и литература включается и в учебную программу студентов.

И. В. Тараканов дает обзор изучения удмуртских диалектов начиная с XVIII века до наших дней. Если достижения коми диалектологов легко проследить по выпускаемым ими монографиям, посвященным отдельным диалектам, то описания удмуртских диалектов разбросаны по разным изданиям. Сопровождающая обзор библиография (около 100 наименований) включает данные о диалектологических статьях, диссертациях, сборниках и опубликованных подборках диалектных текстов. Наиболее продуктивно в последние десятилетия исследовали диалекты Т. И. Тепляшина, И. В. Тараканов и В. К. Кельмаков. Однако впереди — весьма серьезные задачи. Часть экспедиционных материалов до сих пор не обработана и содержится в архиве Удмуртского научно-исследовательского института; собранные студентами материалы хранятся на кафедре удмуртского языка университета. Диалектологи еще не пришли к единому мнению относительно диалектного членения удмуртского языка. В заключение своего обзора И. В. Тараканов определяет наиболее важные задачи на ближайшее будущее: продолжать систематическое собирание диалектных материалов; приступить к составлению картотеки по диалектной лексике, наряду с этим создавать областные диалектные словари; определить границы диалектов и говоров, приступить к систематическому составлению монографий по отдельным диалектам; наряду с фиксированием типичных своеобразий диалекта обращать внимание на изменения в диалектах, обусловленные контактами между языками и диалектами, что особенно важно для выявления тенденций развития языка.

Историко-культурным взаимосвязям пермских народов посвящена статья А. К. Микушева. Краткий обзор более ранней истории пермских народов базируется на «Основах финно-угорского язы-

кознания» (Москва 1974, 1976) и реферировует известные факты контактов и соприкосновений пермян с угорскими и тюркскими племенами. Интереснее вторая половина статьи, в которой автор анализирует отражение культурного взаимовлияния пермских народов в фольклоре и обнаруживает как сходные черты, свидетельствующие об общем прошлом, так и отличия, связанные с более поздним развитием.

О национальных и заимствованных элементах пишут и другие фольклористы. Ю. Г. Рочев прослеживает влияние национальной сказочной традиции на сюжет сказки «Медведь (волк, колдун) и три сестры». В. М. Кудряшова сравнивает варианты приключений Ильи Муромца в русских и коми былинах и утверждает, что коми заимствовали легенду у соседей творчески, дополнив ее своими мотивами, образами, сюжетами.

Удмуртско-русские контакты тоже были постоянными и тесными, в результате чего изменения под влиянием русского языка отмечаются в фонетике и даже грамматике удмуртского. В. К. Кельмаков и А. А. Алашеева с достаточной конкретностью рассматривают следующие изменения фонетической системы:

1) * η полностью вышел из употребления в северном наречии, как реликт встречается еще в бессермянском наречии и некоторых средних говорах и только в южных диалектах функционирует как фонема;

2) лабиальные * $\ddot{y}$ и * $\ddot{o}$ в диалектах, испытавших русское влияние, заменены более открытыми звуками (* $\ddot{y} > y$ или $\ddot{y}$, * $\ddot{o} > \ddot{e}$ или $\ddot{o}$), из-за чего вокализм этих диалектов сблизился с системой гласных севернорусских говоров;

3) под влиянием русского языка несколько смещается норма произношения некоторых звуков: уменьшается лабиальность o ($o > o^a$), палатальные аффрикаты произносятся как альвеолярные ($\ddot{z} > \ddot{d}'z$, $\ddot{c} > \ddot{c}'$ и т. д.).

Четыре статьи посвящены лексике. С. В. Соколов сопоставляет обозначение поло-возрастной дифференциации животных и птиц в коми и удмуртском языках. Хотя в разных языках исходом служит лексика этих языков, семантический тип образования (добавление слов 'отец',

'мать', 'сын' к видовому наименованию) общераспространен не только в пермских, но и в других финно-угорских языках.

А. Н. Карманова пишет о коми фразеологизмах со словом *ки* 'рука'. Для многих коми выражений найдены семанτικο-структурные параллели в марийском, мордовских, венгерском или по крайней мере удмуртском языках. Можно добавить, что часть выражений встречается и в прибалтийско-финских языках: ср., напр., эст. *kuldsed käed* 'золотые руки', *kütt paluma* 'просить руки', *heades kätes olema* 'быть в хороших руках', *kätele voli andma* 'давать волю рукам', *käed sügelevad* 'руки чешутся' и т. д. Очевидно, среди приведенных в статье фразеологизмов есть крылатые слова, заимствования, исконные финно-угорские выражения, но и специфические для коми языка фразеологизмы. Именно последние в статье следовало бы выделить отчетливее.

Примеры на повторы в коми языке, особенно в ижемском диалекте, приводит Е. А. Игушев. Редупликация — интересное явление в пермских языках. Повтор в устойчивых сочетаниях используется для выражения множественности, периодичности, интенсивности, экспрессивности и т. д., однако повтор применяется и просто для номинации предметов: *rõча-rõча* 'прямоугольный' (*rõч* 'угол'), *põла-põла сапõг* 'непарные сапоги' (*põл* 'половина'), *пыр-пыр* 'окончательно' (*пыр* 'всегда') и т. д. Повтор основы обычен в экспрессивных выражениях, причем рядом с междометными корнями используются и лексемы, первоначальное значение которых восстановимо при помощи родственных языков. Некоторые из сопоставлений слов, приведенных в статье, вызывают все же сомнение. Напр., исход иж. *шарны-марны* 'хлопотать по хозяйству' следует искать отнюдь не в основах эст. *haari-* (правильно *hari-*) 'возделывать', *määri-* 'мазать'; трудно объединить иж. *рай-рай* 'настежь, нараспашку (об окнах и дверях)' с фин. *raja* 'граница'. Очевидно, в лексике подобного рода роль ассоциации подчас даже важнее, чем лексическое значение основы, а это затрудняет этимологизацию редупликативных слов.

Статья З. П. Ануфриевой «Арханцская и диалектная лексика коми языка в топонимии Средней Печоры» оставляет впечатление бессистемного списка слов.

Вперемежку даны только слова ижемского диалекта и шире распространенные (даже известные в литературном языке), ссылки на источники не всегда надежны (напр., *няша* известно в большинстве диалектов и зарегистрировано в ССКЗД). В статье остается невыясненным, что же автор считает ахранизмами.

Три статьи сборника посвящены проблемам морфологии и синтаксиса. Г. И. Тираспольский рассматривает склонение коми языка в типологическом аспекте и обнаруживает в нем как архаические, так и совершенно новые черты. Словосочетание без падежного окончания (напр. *mõс юр* 'голова коровы') представляет тип архаической связи; послеложно-аналитические конструкции возникли позже, чем падежные форманты, и свидетельствуют о влиянии субстратных или контактирующих языков.

Исследование синтаксиса, очевидно, актуально для удмуртских ученых. В (1980 г. в Ижевске увидел свет сборник «Словосочетания в удмуртском языке», и, как видно, работа продолжается в том же направлении. Г. А. Ушаков сопоставил грамматические структуры и употребление в текстах разных стилей условных придаточных предложений и синонимичных им деепричастных оборотов. Хотя их можно использовать параллельно, в разговорной речи предпочитают простые деепричастные обороты. Придаточные предложения как более сложные доминируют в стиле художественной литературы. Однако и время внесло свои изменения. Статистика показывает, что на начальном этапе развития литературного языка тексты содержали минимальное количество придаточных предложений (6,7%), а деепричастных оборотов — 59,35%. В современном литературном языке эти показатели равны.

Интересные конструкции со словом *шуйса* анализирует Р. И. Яшина. По форме это слово представляет собой деепричастие от глагола *шуйса* 'сказать, говорить'. В разных синтаксических отношениях приобретает оно различные функции и значения. Оно может выступать в придаточных предложениях в роли подчинительного союза, послелого, модального слова и иногда сохраняет также лексикальное значение глагола. Опираясь на множество примеров, автор выявляет

формирование разных функций и условия применения. Для коми языка такие конструкции чужды, обычны же они в тюркских языках, которые и повлияли на синтаксис удмуртского языка.

И наконец — в рамках рецензии — рассматривается орфография сложных слов в коми языке, которая до сих пор колеблется. Необходимую подготовительную работу для упорядочения ее проделал И. Батори в своей диссертации еще в 1967 г. (*Wortzusammensetzung und Stammformverbindung im Syrjänischen mit Berücksichtigung des Wotjakischen*, Wiesbaden 1969). В. С. Зимин критикует классификацию Батори, основанную на семантических критериях, которая не может охватить все рассматриваемые случаи. Автор статьи предпочитает ей классификацию М. Д. Степановой, однако из рецензии не выясняется, избавит ли она от промежуточных между сложным словом и словосочетанием случаев. Неверно оценивать неопределенные случаи на базе немецкого, русского или какого-то иного языка, исходить необходимо из коми язы-

ка, из восприятия семантических нюансов его носителями.

Две статьи сборника посвящены литературе. В. Я. Чернышова анализирует перевод на коми язык произведения Ш. Петефи «Черный хлеб» (*Fekete kenyér*), Д. А. Яшин пишет о переводах Петефи на удмуртский язык и их рецензии.

Таким образом, рецензируемый сборник весьма пестр по содержанию. Намеки составителей свести вместе проявления культурных контактов родственных народов в языке и фольклоре, без сомнений, перспективно. Коми и удмуртов история никогда резко не разлучала. В последние столетия, правда, различные по языку соседи несколько отделили их друг от друга, но продолжающийся контакт должен бы затормозить дивергенцию. В связи с этим на базе данных языков можно выяснить тенденции развития, которые представляют интерес и с точки зрения общего языкознания.

АНУ-РЕЭТ ХАУЗЕНБЕРГ (Таллин)